СМИРНОВ СЕРГЕЙ АЛЕВТИНОВИЧ

Главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, доктор философских наук. Новосибирск, Россия.

Главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU».

E-mail: smiroff1955@yandex.ru

УДК 101.9

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Часть 3
Биографический поворот в социальных и гуманитарных науках

Статья продолжает серию работ, посвященных биографическому методу в истории философии. Он рассматривается в категориях биографического поворота, произошедшего в социальных науках. Показывается, что современная трактовка биографического метода в социальных науках определяет его теперь как едва ли не базовую методологическую константу, присущую любому методологическому исследованию. Без биографических исследований нельзя собрать достаточно достоверные сведения о социальных группах. Биографические исследования становятся необходимым фактом любого исследования, поскольку они позволяют собрать совершено различные данные о тех или иных социальных группах и процессах. И тем самым фактически формируется целая школа, институционально оформленная, в которой через биографический анализ преломляются базовые социальные процессы. Постепенно биографический метод, входя составной частью в социальное исследование, сменил и саму оптику исследования. Само видение процесса стало другим. Процесс стал многоликим. Теперь уже мало иметь экземпляры, примеры, а нужно пристальное внимание к тысячам деталей, к мельчайшим точкам, моментам жизни, но не в виде отдельных примеров, а в виде тысяч точек. Проводится обзор различных методик, подходов, инструментов и техник, применяемых в рамках биографического подхода. Отдельно выделяется анализ опыта биографирования в истории философии. На материале этого опыта ставятся границы и рамки биографирования как метода в философии.

Ключевые слова: биография, биографический метод, биографический поворот, повороты в истории философии, нарративный подход, устная история.

Sergei A. Smirnov

**Institute of Philosophy and Law of the SB RAS.
Novosibirsk, Russia
E-mail: smirnoff1955@yandex.ru**

BIOGRAPHICAL METHOD IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Part 3
The Biographical Turn in the Social Sciences and Humanities

The article continues a series of works devoted to the biographical method in the history of philosophy. It is examined in terms of the biographical turn that has occurred in the social sciences. It is shown that the contemporary interpretation of the biographical method in the social sciences now defines it as almost a basic methodological constant inherent in any methodological research. Without biographical research, it is impossible to gather sufficiently reliable information about social groups. Biographical research becomes a necessary component of any research, since it allows for the collection of completely diverse data about various social groups and processes. Thus, an entire, institutionally formalized school is effectively being formed, in which basic social processes are refracted through biographical analysis. Gradually, the biographical method, as an integral part of social research, has also changed the very optics of research. The very perception of the process has become different. The process has become multifaceted. It is no longer enough to have specimens and examples; what is needed now is close attention to thousands of details, to the minutest points and moments of life, but not as isolated examples, but as thousands of data points. A review of various methodologies, approaches, tools, and techniques employed within the biographical approach is conducted. The analysis of the experience of biographizing in the history of philosophy is highlighted separately. Based on the material of this experience, the boundaries and limits of biographizing as a method in philosophy are established.

Keywords: biography, biographical method, biographical turn, turns in the history of philosophy, narrative approach, oral history.

DOI: 10.32691/2410-0935-2026-21-356-388

© С. А. Смирнов 2026

Повороты в истории философии

Принято считать, что XX век в истории философии стал веком поворотов [Вольф 2025; Смирнов 2025б; Смирнов 2025в]. В это весьма метафорическое понятие вкладывают разные смыслы. Но самым популярным является то, согласно которому периодически в мировой философской (шире — гуманитарной) повестке начинает доминировать та или иная тема, с помощью которой ставится новая методологическая рамка для всех остальных исследований. Эта рамка задает, что называется, основной вопрос философии.

Например, на первое место выходит проблема языка. И тогда мы имеем дело с лингвистическим поворотом [The Linguistic Turn 1967][1]. Или на первое место выходит проблема аргументации и доказательства, и на первое место выходит риторический поворот [The Rhetorical Turn 1990]. Или говорят о нарративном повороте, полагая, что необходимо вырабатывать средства и инструменты для нарративных исследований, с помощью которых можно понять и исследовать то, как выстраивается речевой дискурс. Или вводят метафору прагматического поворота, поскольку знания перестают служить истине, а на первое место выходит польза и прагматический смысл [The Pragmatic Turn 2004][2].

Но все эти выше названные повороты, означавшие различные сдвиги и переориентации, происходили на фоне более крупных и глубинных попыток осуществить опыт философствования как бы заново, запустить новое начало [Смирнов 2025б; Смирнов 2025в]. Оно предполагало новое начинание, обращение к корням и истокам, к исходному опыту, духовным основам. И поэтому новый зачин предполагал обращение к корням и началам. Такие зачины, каждый раз по-разному, осуществлялись разными авторами, им давались разные имена и выстраивались разные словари и парадигмы философствования, будь то экзистенциальная философия, или феноменология, или онтологический поворот, или герменевтический. Но все они означали попытки нового начинания, в корне своем всегда похожие, поскольку предполагали новое эпистрофе, новое обращение к началам, возрождение начал, а потому запускали опыт философствования по основаниям, попытку понять и осмыслить основы мира и место человека в этом мире.

Мы в своих предыдущих работах пытались показать, что такое обилие поворотов объясняется действием одного большого поворота. Поворотов не может быть много. Все так называемые повороты выступают частями одного большого поворота — антропологического поворота, поскольку новое начало в философии, периодически объявляемое теми или иными авторами, как раз предполагало вновь осуществление опыта философствования, для чего необходимы были те или средства [Смирнов 2025б; Смирнов 2025в]. В разное время на первое место выходило обнаружение конкретного человеческого дефицита средств — эпистемологических, логических, лингвистических, коммуникативных, речевых, герменевтических, аналитических и проч. И тогда исследователи

[1] М. Н. Вольф считает, что лингвистический поворот на фоне других философских процессов «можно охарактеризовать как всеобъемлющий мега-поворот или даже как революционный сдвиг парадигмы, поскольку именно он послужил основой теоретической переориентации не только всей философии, но и многих гуманитарных дисциплин» [Вольф 2025: 13].

[2] Обсуждать надо не правильность и истинность познания, а цели конкретных исследований, использующих при этом разные инструменты [Рорти 1997: 28–29].

начинают говорить о том или ином «повороте», хотя последний означает всегонавсего констатацию очередного человеческого дефицита. Как бывает в магазине? То масла вдруг нет, то яиц, то гречки, то молока, то колбасы. Не завезли, говорят. Партия закончилась. Подождите. И продавцы, а вслед за ними и покупатели, начинают кричать о новом дефиците и подорожании цен на товары. Но потом товар завозится, все успокаиваются до следующего раза. И обыватель спокойно может скупать свою гречку хоть тоннами. И никакого дефицита уже нет.

Можно сказать, что периодически объявляемые повороты выступают изнанкой иного феномена — феномена человеческого дефицита, осознания нехватки каких-то человеческих качеств, средств, инструментов, свойств. Они затем нарабатывались, и дефицит преодолевался. До очередной нехватки.

На этом фоне в конце XX века был обозначен еще один так называемый поворот — биографический [The Turn to Biographical Methods 2000 и др.]. Он уже массовидно проявился в самых разных социальных и гуманитарных науках (в социологии, психологии, педагогике, этнологии, гуманитарной урбанистике, культурологии и проч.)[3].

Вообще-то биографический поворот, воплотившийся в массовидном тренде появления биографической литературы и исследований по биографистике, выступает прямым следствием антропологического поворота, на острие которого значится главный дефицит — дефицит собственно человеческого, дефицит лиц, голосов, имен, слов о личной истории, личной судьбе. Это дефицит понимания того, как идеи и процессы, мировые тренды и глобальные метанарративы воплощаются в личных историях конкретных людей, их биографий[4].

Биография скорее должна рассматриваться не как еще один научный интерес, еще одно направление, ответвление в гуманитаристике. Биография и биографический метод суть продолжение соответствующих поисков конкретных направлений и концепций таких авторов, как В. Дильтей, Г. Миш, М. М. Бахтин, М. Хайдеггер (при всем его внешнем равнодушии к биографиям философов), равно как и поиски в рамках герменевтики, экзистенциальных проектов, феноменологии, философии жизни, философии поступка (см. подр. в предыдущих частях нашей статьи [Смирнов 2024; Смирнов 2025а]).

Биографический метод в этой связи выступает фактически воплощением идиографического метода, метода индивидуализации, а также герменевтических поисков В. Дильтея и других, того же М. Хайдеггера, в его поисках герменевтики фактичности. Биографика претендует быть наукой об индивидуальной жизни.

---

[3] «В критической педагогике, культурологии, критической теории расы, геронтологии, исследованиях деколонизации, социальной политике, исследованиях здоровья, феминизме, теории идентичности, исследованиях сексуальности, занятости, теории семьи и управления, диапазон областей, в которых биографические методы были приняты, огромен. Все стремятся к смыслу и отчетам в индивидуальных биографиях, чтобы подтвердить и усложнить понимание работы и возникновения социальных процессов и отношений на месте и во времени» [Bornat 2008: 344].

[4] Зарубежные исследователи указывают на то, что биографический поворот выступает прямым следствием других поворотов — нарративного, визуального, перформативного, интерпретативного. История жизни, нарративные и биографические исследования — все это подходы к интерпретативному повествованию о жизни и прожитом опыте [Advances in Biographical Methods 2014].

И. В. Голубович верно помечает, что сам по себе биографический метод не живет своей жизнью и сам из себя не может быть обоснован. Он неразрывно связан с пересмотром методологических основ гуманитарных наук, проведенным В. Дильтеем и всей дальнейшей герменевтической линией мысли [Голубович 2013: 68].

Биографический поворот совпал с кризисом метанарративов, выступавших как метаимперативы, в 70–80-е годы прошлого века. Гуманитарная мысль жаждала перехода от анализа общих трендов и процессов — к поиску человеческого лица, его личной жизни во всех ее проявлениях.

Биографические исследования в социальных науках

Нынче без биографических практик уже не обходится ни одно гуманитарное социальное исследование. Происходит «эпистемологическая экспансия биографического метода» [Рогозин 2015: 127; см. также Мещеркина 2002; Рождественская 2012]. Ранее БМ редуцировался в жизнеописания отдельных личностей, в набор личных документов (эгодокументы), личных историй, поскольку надо было учесть социальные процессы и то, как они отражаются в личных историях, в отдельных биографиях. Последние выступают в качестве неких экземпляров. Индивидуальные истории выступали неким персональным подтверждением проходивших скрытых процессов, отражавшихся на конкретных судьбах людей. Но на этом фоне конкретная жизнь конкретной персоны исследователя не интересовала. Его интересовали процессы и экземпляры, их подтверждавшие. Но постепенно БМ вошел необходимой составной частью в социальные исследования. Теперь БМ в различных его ипостасях, будь то нарративный метод, устная история, биографическое интервью, присутствует во всех социальных исследованиях.

Современная трактовка БМ определяет его теперь как базовую методологическую константу, присущую любому методологическому исследованию. Без биографических исследований нельзя собрать достаточно достоверные сведения о социальных группах. Биографические исследования становятся необходимым фактом любого исследования, поскольку они позволяют собрать совершено различные данные о тех или иных социальных группах и процессах. И тем самым фактически формируется целая школа, институционально оформленная, в которой через биографический анализ преломляются базовые социальные процессы.

Постепенно БМ, входя составной частью в социальное исследование, сменил и саму оптику исследования. Само видение процесса стало другим. Процесс стал многоликим. Теперь уже мало иметь экземпляры, примеры, а нужно пристальное внимание к тысячам деталей, к мельчайшим точкам, моментам жизни, но не в виде отдельных примеров, а в виде тысяч точек. Проникнуть внутрь исторических и социальных процессов и вникнуть, всмотреться в детали жизни тысяч и миллионов, получая дисперсное видение, дабы получить не панораму сверху, а взгляд изнутри. Исследователь помещает себя внутрь процесса, обживается в нем, обустраивается, стремясь стать своим среди своих объектов, которые ранее были объектами наблюдений, а теперь они твои собеседники-соседи.

С другой стороны, оформился и социальный запрос. Простые люди, участники исследований, респонденты и информанты, тоже хотят быть звездами, а не только поставщиками информации. Все хотят быть услышанными и увиденными. Улица лавиной голосов обрушилась на страницы исследований. И шире — на ТВ, теперь — в интернет. Все теперь — авторы. Все пишут. Наука заговорила многотысячными голосами. Все захотели на сцену и на экран.

Эта волна добавила энергетики и статистики, но не добавила научности и ясности. А что, собственно, означает этот биографический подход? Многие противники биографизма обвиняют приверженцев БМ в ненаучности. Вместо анализа глубинных процессов и явлений, истории идей и парадигм биографы выводят портреты конкретных личностей, смакуют детали их частной жизни [см. Голубович 2012: 85].

Биографический вал воплотился во множестве изданий, журналов, книг, в которых излагаются биографии героев, полководцев, артистов, писателей, поэтов, философов и порнозвезд. Издаются журналы, альманахи, биографические бюллетени, сборники и проч., и не только в жанре нон-фикшн.

Следует отметить еще один момент в биографической практике, показывающей ее новизну в период поворота. В принципе биографией разных деятелей, да и простых людей, интересовались давно и всегда, начиная с античности со времен Плутарха [Аверинцев 1973; Аверинцев 1994]. Об этом свидетельствуют также и новые гуманитарные раскопки современных отечественных и зарубежных исследователей[5]. Но если ранее создавались многочисленные биографии известных, выдающихся деятелей, то сейчас описание, изложение биографий в разных жанрах, разными средствами (наррация, устная история, интервью) создаются о разных рядовых людях вне зависимости от их земных заслуг.

Но главное — предметом становится не только тот, о котором идет повествование, но и сам метод биографирования. Сам БМ становится объектом анализа, чего не скажешь о XIX и XX веках. Такой переход означает не только обогащение арсенала средств, но и парадигмальный сдвиг в оптике исследования, заключающийся в попытке увидеть в капле росы вселенную, усмотреть и услышать в истории конкретного человека — гул мировой истории, показать ее масштаб через событийность жизни конкретного смертного, соразмерив при этом разницу между событием и рассказом о нем, увидев между ними зазор, трещину, различие [Мещеркина 2002].

Есть интересный момент, связанный с истоком БМ. В качестве институциональных корней и истоков БМ называют методы, выработанные в Чикагской школе социологии, которая пустила свои ветви по самым разным направлениям в социальных науках в первое 40-летие XX века — в городской антропологии, гуманитарной урбанистики, этнологии, культурной антропологии и проч. Что называется, ученые пошли в народ. Они вышли из джунглей, где изучали

[5] Один из свежих примеров — перевод и издание ранних, еще прижизненных, биографий И. Канта [см. Ранние биографии Канта 2024]. К слову сказать, вспоминая начало нашей статьи, посвященное поворотам в XX веке, известно, что сам И. Кант, герой многих биографий, использовал метафору поворота, охарактеризовав свой метод в предисловии к «Критике чистого разума» как «коперниканский переворот», означающий переход от анализа эмпирического опыта и феноменов — к метафизике и построению основ трансцендентальной философии. То есть Кант сам является поворотным автором, всегда интересным как раз для биографов.

местных аборигенов, и приехали в большой город, стали изучать местные городские племена — бомжей, городскую бедноту, жизнь проституток и таксистов, местных бандитов, то есть стали изучать подпольный город, заброшки и подвалы. А методами и средствами этого изучения стали те же инструменты в виде биографических интервью, рассказов, устных историй [см. подр. Смирнов 2021].

Таким образом, побочным эффектом развития прикладной социологии и антропологии стала разработка БМ в виде разнообразных инструментов — биографического интервью, нарратива, устной истории.

Фактически все многообразие этих инструментов у многих исследователей сводится к этим группам — интервью (вопросно-ответный метод, предполагающий диалог двух людей, исследователя и респондента); устная история (разговор, монолог о себе от первого лица); нарратив (конструирование историй, создание задним числом рассказа о себе с выделением оценок и субъективных проекций того, что было). Нарратив фактически отличается от того, что было на самом деле, тем, что это уже проекция на себя, рассказ со встроенной в него рефлексией, оценкой, видением рассказчика [Bornat 2008]. Хотя, строго говоря, исследователи признают, что между ними нет строгого методологического различения. Биографические методы — это обобщающий термин для совокупности слабо связанных, по-разному названных видов деятельности: повествование, история жизни, устная история, автобиография, биографические методы интерпретации, повествование, автобиография, этнография, воспоминания. Эти виды и методы, как правило, присутствуют параллельно, часто не признавая существование друг друга [Bornat 2008].

Изначально, как мы уже сказали выше, исследователи ориентировались на социальный запрос — их интересовали прежде всего маргинальные группы, подпольный, подвальный город (меньшинства, бездомные, одинокие, пожилые, представители ЛГБТ, больные СПИДом, затем — больные орфанными заболеваниями, неизлечимые и проч.). У представителей этих групп была нужда выговориться. С этой целью они сами выстраивают горизонтальные коммуникации, сообщества больных, теперь уже они перекочевали в интернет, в социальные сети, ведя дневники, блоги, личную переписку [см. подр. Синюкова 2023].

Удобным средством в таком случае становится самоописание своей жизни, выговаривание своей личной истории. Становятся популярными эго-истории, нарратив, герменевтические практики. Выделяются в отдельную область клиническая, медицинская герменевтика и др. — в зависимости от сфер исследований. Разговор по душам становится тотальным — но при сохранении тотального одиночества. Разговор по душам, осуществляя личную психотерапию, не решает медицинских и социальных. Ситуация говорящего не меняется, поскольку болезнь не излечима. Сегодня он поговорит, а завтра все снова то же самое. Экзистенциальная нужда не разрешается психотехническими средствами.

Вместе с тем именно личная нужда, захватывающая миллионы, создавая запрос на [авто]биографически практики, делает БМ все более разнообразным в своих реализациях и оснащенности. БМ перестает быть монофокусным и не сводится к какому-то одному способу самоописания. В сам БМ включаются разнообразные методы и инструменты, такие, как устные истории, интервью, нарративный анализ и др.

На фоне зарубежного опыта в отечественной биографистике еще много общих слов, есть некоторые редкие работы в области применения БМ в социологии, психологии, истории [см. Рогозин 2015; Рождественская 2023]. Западная традиция быстро и активно вырабатывает в рамках БМ и биографического дискурса конкретные направления, инструменты, средства и процедуры для построения биографий, используя БМ для исследований в области психологии, социологии, истории, социальной и культурной антропологии [The turn to biographical methods 2000; Roberts 2001; Рогозин 2015 и др.]. Биографические средства и методы выступают здесь как инструменты для сбора материала, на основе которого необходимо показать тренды и процессы, но не как предмет и объект анализа. И здесь возникают трудности в аналитике и классификации, в интерпретации — можно сидеть на груде собранного материала и не знать, что с ним делать.

Биография в социальных науках стал хорошим инструментом, требующим того, чтобы быть отточенным, удобным в руках исследователя. Но в результате фактически биографические исследования вышли из маргинальной зоны дополнительных поисков в область самостоятельного направления. Происходит постепенное обретение дисциплинарных границ, особенно в социологии. Но это не предполагает обязательной смены парадигмальных основ, смены парадигмы в гуманитарных науках. Поскольку это пока смена инструмента, добавление еще одних дисциплинарных поисков. И фактически просто продолжение дальнейшего развития антропологических и феноменологических исследований.

Биография как метод. Подступы

Сам биографический опыт нуждается в адекватном методологическом обосновании, в том, чтобы был выстроен свой БМ, выведенный из более широкой антропологической и гуманитарной рамки. Однако специальных методологически ориентированных исследований, посвященных собственно БМ, в отечественной литературе пока не наблюдается до сих пор [см. также констатацию Голубович 2008][6]. Может возникнуть вообще вопрос — возможен ли он, этот биографический особый метод? Или мы можем говорить о разнообразной биографической практике? И пусть расцветают сто цветов?

Из немногих авторов, специально размышлявших о биографировании как методе, развивающих идеи В. Дильтея, Г. Миша и М. М. Бахтина, можно назвать наших соседей — украинских философов А. Л. Валевского, предложившего специальную дисциплину биографистику [Валевский 1993], В. И. Менжулина [Менжулин 2010; Менжулин 2013], упомянутую И. В. Голубович [Голубович 2008; Голубович 2012; Голубович 2013]. Ранее об этом писал Э. Ю. Соловьев [Соловьев 1991]. Еще ранее, как один из первых — П. Н. Бицилли [Бицилли 2006].

В. И. Менжулин подвергает критике философский антибиографизм, доминирующий в философских исследованиях, признавая, однако, что и эта сфера постепенно начинает впускать в свою область биографический подход. Биогра-

[6] Да, уже состоялось выдвижение БМ из гуманитарных наук в отдельный предмет и метод (у В. Дильтея, Г. Миша, М. М. Бахтина). Уже состоялось обоснование (авто)биографии в социальных и исторических науках, в психологии, психопатологии, психотерапии. Но И. В. Голубович называет В. Дильтея «непрочитанным мыслителем» [Голубович 2008]. А в самой философии БМ еще пока не живет самостоятельной и укорененной жизнью.

фический бум коснулся и ее. Даже в аналитической философии переживается повышенный интерес к биографиям [см. об этом ниже]. В. И. Менжулин справедливо помечает два тупика, мешающих развитию БМ в истории философии. Точнее, речь идет об установках, доминирующих в позициях исследователей, выделенных у Дж. Конанта [Conant 2001: 18–19; Менжулин 2013: 43–44].

Установка 1. Сведéние биографии философа к его эмпирической, частной жизни. И как следствие — рассмотрение его философских идей в отрыве от этой жизни. Полагается, что философское учение никак не связано с личной жизнью философа и не выводится из нее. Но тогда кому они интересны, эти философы, в своей частной жизни? Ни событий, ни подвигов, ни скандалов, ни авантюр. Философ ведь не полководец, не авантюрист, не поп-звезда. Такую установку Дж. Конант называет компартментализмом.

Установка 2. Попытка, наоборот, объяснить те или иные философские идеи из эмпирической биографии философа. Дж. Конант называет эту установку редукционизмом.

Здесь ничего нового. Такие установки давно присутствуют в исследованиях. В частности, вторая установка (так называемый старый биографизм) была поставлена в том числе О. Сент-Бёвом, в чем его обвинял М. Пруст. Также она критиковалась М. М. Бахтиным, Ю. М. Лотманом, пытавшимся преодолеть ползучий эмпирический биографизм, согласно которому тайну творения пытаются найти в эпизодах эмпирической жизни поэта или философа.

Кстати, эти установки парадигмально друг от друга не отличаются. Обе разделяют жизнь философа и его учение. Только одна выводит учение из жизни, а другая отказывается это делать. Но обе страдают натурализмом, сведением жизни философа к существованию его как социальной единицы и отдельного биологического тела. Последние сущности никак не меняются, живут как неизменные детерминанты человека, либо влияющие на его идеи (одна установка), либо не влияющие (другая установка).

Не Бог весть какие допущения. Они методологически оба не состоятельны.

Редукция биографии философа к психо-биологистическим и социально-эмпирическим параметрам, добавляет В. И. Менжулин, порождает так называемую «философию подозрения» и провоцирует исследователей на создание некоего универсального биографического метода, по лекалам которого можно было бы клепать биографии. Особенно расцвел такой метод в психоанализе и марксизме, полагает Дж. Конант. Их идеологические и концептуальные основания становятся подпорками для написания многочисленных ангажированных и «правильных» биографий (например, в серии ЖЗЛ в нашей стране)[7].

В. И. Менжулин выдвигает допущение, согласно которому такие качели, показывающие движение от биографизма к антибиографизму и обратно, объясняются теми самыми штампами и установками. Необходимо отказаться от них и признать, что биография в философии возможна, если мы признаем саму парадоксальность существования философа и его творения. Философ, будучи

[7] Достаточно назвать изданные недавно биографии о М. М. Бахтине (автор А. В. Коровашко), о А. А. Зиновьеве (автор П. Фокин), написанные, во-первых, не специалистами по их философии, а, во-вторых, с многочисленными допущениями и натяжками, вольным толкованием разных эпизодов биографий и крайне непрофессиональными интерпретациями их философских идей. Масштаб этих фигур и роль в развитии философии в России в XX веке настолько значим и велик, что они достойны лучшей участи и еще ждут написания о них полноценных научных биографий.

отдельным индивидом[8], мыслит о всеобщем, оставаясь единичным. Он достигает всеобщего сугубо индивидуальным, ему ведомым, способом. Рассказывая про единичную жизнь отдельного человека, нужно умудриться понять мысль о всеобщем [Менжулин 2013: 45].

Но это фактически ничего не меняет. Историко-философская биографистика не обладает в таком случае ничем уникальным. Она лишь добавляет то, что и было всегда в истории философии, полагает В. И. Менжулин. Поэтому философская биографистика не должна претендовать на уникальность, стремясь избежать попыток свести историю философии к описанию жизни отдельных философов.

Но В. И. Менжулин поддался соблазну компромисса. Например, нельзя объяснить философские идеи Ф. Ницше из его личной жизни, из его болезни (сифилис или шизофрения). Но можно допустить версию иную, предложив концепт так называемой «творческой болезни» с целью объяснения фактов биографии и философских идей и тогда, мол, есть шанс преодоления разрыва между гениальностью и сумасшествием.

Эти соблазны не конструктивны. Они все равно основаны на признании незыблемости существования некоего индивида, который живет, не важно, здоровый или больной, не меняется сущностно, и отдельно от его жизни — его идей, философских озарений, открытий, его сочинений и трудов.

Вместе с тем, господа, вы не поверите, человек-то меняется. Меняется личностно. В биографии надо писать не столько про эпизоды смертного существования человека, сколько постараться увидеть событие рождения и развития в индивиде феномена философской личности как особой структуры, формирующейся в онтогенезе, имеющей свою архитектонику, в которой выстраивается особый сплав действий, практик, новоообразований, текстов, открытий, знаковых комплексов, функциональных органов, мыслей, чувств, переживаний[9]. В эмпирической жизни человек ведь никогда не живет редуцированными формами жизни. На самых простых примерах это видно. Чтобы человек научился, например, писать, он должен овладеть орудием письма, сформировать у себя, на себе, «орган письма», обучаясь выводить на чистом листе бумаги буквы. В процессе проделывания многократных действий по овладению ручкой у него формируется новый орган — орган письма, которого от рождения у него не было. Этот орган сложно устроен. Он состоит из составных частей, совокупность которых задает все богатство и целостность органики личности («душевный организм»), состоящей из: знак на листе-ручка-кисть-рука-локальная зона в мозге-нейроны. Составные части этого органа отдельно друг от друга уже не существуют. Они выплавлены, сформированы, слеплены в предметном действии письма. То же самое, по принципу, происходит, когда совершаются практики мышления, воображения, памяти, духовные практики заботы, совершая которые человек переживает личностный метаморфоз, духовную конверсию (умопремену). Выплавляется особая личностная органика.

---

[8] Добавим — все же единицей, не индивидом. То есть философ — индивид, становящийся единицей, то есть отдельной, самостоятельной формой жизни.

[9] Об этом много сказано в работах, посвященных парадигме заботы (см. напр., работы П. Адо, на которого, кстати, ссылается Дж. Конант, работы С. С. Хоружего и др. исследователей, изучавших духовные традиции и духовные практики заботы) [Адо 2005а; 2005б; Хоружий 1998].

Это означает то, что отдельной личной жизни и отдельной жизни так называемых идеи философа не существуют. Они выплавляются в амальгаму личностной органики. Попытки понять и уловить моменты рождения в человеке особой личности философа и выразить на адекватном этому феномену языке и порождают практику и дискурс философского биографирования.

Поэтому как отказ от БМ, так и увлечение им, объясняются заведомо тупиковым подходом, установкой, согласно которой якобы философские идеи и сочинения творит некий статичный индивид, сидящий за столом, в кресле, чиркающий себе что-то там на листе бумаги. Употреблять такие словосочетания, как «философская индивидуальность» — значит загонять себя в тупик. Такой реальности просто нет. Да, есть смертный индивид, в самом начале жизни со своим талантом, темпераментом, умственными способностями, бывает, гениальными. Но затем он начинает совершать акты творения, сначала неуклюжие и наивные, воплощающиеся внешне в простых действиях — в актах письма и речи. Выводя знаки на листе, совершая высказывания. Внешне это такое же действие, как у любого человека, пишущего тексты. Только один пишет донос, другой рисует чертеж машины, третий пишет гениальные стихи, четвертый пишет философское сочинение... При написании доноса с человеком ничего не происходит. Это закрытое действие, не предполагающее акта преображения. Его личностная органика от такого действия не формируется, поскольку не проживается духовный опыт. Но вот при написании стихов или в молитвенной практике, или при написании философского текста этот метаморфоз возможен. Масштаб метаморфоза — разговор особый и конкретный.

Если сводить автора к индивиду, то не важно — противник ты БМ или его сторонник, то ты одинаково сваливаешься в разного рода натуралистические редукции версии — психологизм, биологизм, эмпиризм, заведомо обрекая себя на тупиковые споры по поводу того, где и когда рождается идея у человека или где и когда он вдруг стал писать то или иное сочинение. Идея в индивиде не рождается. Никакие идеи не рождаются ни в каком индивиде. В индивиде живут желания, потребности. Никакой эмпирический и психологический индивид не создает никаких поэтических или философских сочинений. Нет у него таких органов для этого. Поскольку сочинения создаются не головой, не руками, не печенкой, не почками. Они рождаются, пестуются, выплавляются в метаморфозе преображения, в рамках плавильной практики формирования личностной органики человека.

Итак, такое представление об авторе как готовом индивиде заведомо тупиковое. Мы писали в предыдущей работе об этом [Аванесов и др. 2023]. Это представление преодолевал М. М. Бахтин. Также много говорил об этом М. К. Мамардашвили в лекциях о М. Прусте.

Автор не существует как отдельно взятый индивид. Он рождается в актах письма, речи и мышления. Начиная писать свое произведение, он становится иным. Он трансформируется, меняется, переплавляется в иное существо. Собственно так устроен в целом акт автопоэзиса, о котором мы также писали ранее [Смирнов 2011; Смирнов 2014]. Но если мы тогда пытались понять феномен рождения поэта в человеке, то здесь надо понять феномен рождения философа в человеке.

Таким образом, фактически здесь прочитывается лозунг Р. Барта и М. Фуко о «смерти автора». Не будем специально и подробно писать здесь об этом. Этот эпизод хорошо всем известен [см. также в нашей работе Аванесов и др. 2023].

Но важно отметить, что этот лозунг у разных авторов фактически означал, что тексты пишутся не отдельными авторами-индивидами. Последний фактически в своем письме умирает. Но рождается другой, возрожденный и обновленный, переживший метаморфоз[10]. Собственно этот, переживший метаморфоз, и есть автор, создавший сочинение и умерший с его созданием. А не тот, бывший в самом начале, севший над чистым листом бумаги [не важно, перед экраном монитора].

Но надо признать и то, что, говоря об истории философии, мы должны учесть очевидное — философия вообще-то бывает разной. Классическая философия, доктринально и эссенциально ориентированная, построенная на натуралистической и естественно-научной парадигме, принципиально будет отвергать сам феномен биографизма, редуцируя его к жизни философа как частного лица. Экзистенциализм и герменевтика, феноменология, философская антропология, построенные на других основаниях, на неклассической антиэссенциальной парадигме, будут не только не отвергать биографизм, но предполагать его, поскольку сама философия здесь рождается в рамках личностной траектории философа, как нравственная забота и духовная практика.

Попытки преодоления разного рода редукций В. И. Менжулин также ищет. Называет опыт Ж.-П. Сартра, создавшего также несколько биографий писателей [не философов], пытавшегося выработать некий свой гибрид БМ. Сартр пытался преодолеть, с одной стороны, «биографический романтизм» биографов-предшественников, означавший превращение реальной жизни героя в красивый рассказ, с другой стороны, «биографический позитивизм», означавший веру в возможность объективного рассказа про жизнь героя, основанного исключительно на фактах, источниках, архивах и проч. [Менжулин 2013: 51; Менжулін 2010: 206–244].

Здесь В. И. Менжулин прав. Но поиски Сартра привели к тому, что он сам фактически лепил своих героев, наделяя их своими представлениями, вкладывая в их уста свои идеи. Здесь ничего нового также нет. М. М. Бахтин давно описал монологизм Л. Н. Толстого, вкладывавшего свои идеи в уста своих литературных героев. Этому М. М. Бахтин противопоставил диалогизм Ф. М. Достоевского, в художественной модели которого автор и герой разведены, и герои пытаются говорить каждый своим голосом.

Но эти примеры нам мало что дают. Мы от анализа биографических романов и биографий писателей не перешли еще к философским биографиям. И к БМ как методу в истории философии.

И здесь В. И. Менжулин пока ограничивается посылом, согласно которому выход из романтических и позитивистских биографических ловушек возможен в том случае, если биографический материал используется в историко-философском исследовании не для объяснения идей философа, а для прояснения всей личности философа, «являющейся очень сложным и отнюдь не однона-

[10] М. Фуко, а особенно Р. Барт, конечно, понимали по-своему феномен смерти автора, не в духе П. Адо, — он имел в виду то, что тексты пишут не индивиды, а структуры. Но это уже в нашем случае не важно.

правленным взаимодействием разных исторических факторов» Менжулин 2013: 57. Исходя из этимологии слова биография, помечает В. И. Менжулин, современный биограф философа должен как можно точнее нарисовать «портрет на фоне».

Фактически В. И. Менжулин указал, достаточно неуклюже, на необходимость выстраивания личностного подхода и понимания устройства генезиса личностной органики становящегося и переживающего метаморфоз автора.

В качестве вывода мы должны сказать следующее. Философия философии рознь. В так называемой классической философии, опирающейся на эссенциальный и доктринальный подход, сформировался явно выраженный разрыв между собственно жизнью философа и его учением. И тогда биография философа здесь как правило превращается в пересказ идей ученого. Его личность почти никак не затрагивается, а если что-то говорится о ней, то в частном порядке, немного, в жанре того же хайдеггеровского суждения — родился, жил и умер. Но тогда возникает задача преодоления разрыва между жизнью философа как частного лица и его сочинениями и идеями. Даже если он похож на монумент [в случае Гегеля или Канта, в чем повинны их интерпретаторы и последователи].

Если же философия выстраивается как образ жизни философа, способ его существования, в котором деяния и мысли нераздельны, а философское учение носит явно выраженный экзистенциальный и нравственный характер и не превращено в доктрину, то мы получаем личностно выстраданную философию. Писать биографию такого философа невозможно без понимания того, как произошел сплав идей и личности философа, посредством какого духовного опыта, каких духовных практик заботы (в духе П. Адо и М. Фуко) был проделан духовный опыт.

Попытки такого понимания биографии были и есть. Дж. Конант в этой связи пытается, например, осмыслить феномен биографии Л. Витгенштейна, понимавшего свою философию как личный духовный опыт [см. Conant 2001].

В пределе, я бы допустил следующий тезис: в зависимости от того, как существует философия у того или иного философа, у того или иного направления в философии [немец-классик или француз-экзистенциалист, феноменолог или натурфилософ], в зависимости от этого по-разному будет жить и БМ. Он будет зависеть всякий раз от самоопределения самого философа, от того, что такое для него его философия. Наглядный пример — дискуссии и непонимание между друзьями-оппонентами Б. Расселом и Л. Витгенштейном. Споры между ними были не столько по поводу математики, сколько по поводу того, что такое для них философия. Поэтому Рассел принял в Трактате математические афоризмы, но не принял и не понял его метафизику.

Писать биографии о Б. Расселе и Л. Витгенштейне — значит проделывать совсем разную работу в принципе и выстраивать разные модели биографии. Об этом ниже.

Биография в истории философии

Несмотря на то, что вышеописанный биографический поворот коснулся больше социологии, истории, литературоведения, тем не менее число биографий в истории философии растет. Выходят солидные, знаковые биографии, та-

кие, как Р. Монк о Л. Витгенштейне[11], М. Кюн о И. Канте, Уотсон о Декарте [Монк 2018; Кюн 2022; Watson 2002].

Хотя в целом эти биографии пишутся так, как писались и ранее. С привлечением новых материалов и небольшим методологическим введением. Но сам биографический метод продолжает оставаться на периферии внимания. Как объект для анализа он больше рассматривается в социологии, литературоведении, истории. Но не в философии. Среди философов он по-прежнему остается факультативным, как некий десерт к богатому столу идей. В этом плане философия в осмыслении БМ как бы отстает. Точнее, не спешит [Голубович 2012: 86]. Потому что философы всегда претендовали на то, чтобы судить от первого лица о всеобщем. Для них биография — мелкий, не серьезный жанр, не захватывает онтологии. Биография для них — строчка между датами жизни[12].

На этом фоне отрадно отметить некоторые методологические примеры.

В свое время отечественный философ Э. Ю. Соловьев попытался выйти на метауровень, выделив типы биографического дискурса [Соловьев 1991]. В советское время такие слова не употребляли, но смысл был в этом [он говорил о «биографическом анализе»]. Он взял несколько биографий разных мыслителей, написанных отечественными авторами, и выделил на их примере четыре типа биографирования. Этот опыт хорош тем, что типы выделены на примере именно философских биографий.

Надо сказать, что Э. Ю Соловьев не подвергал сомнению необходимость создания биографий мыслителей, полагая их «самостоятельной и незаменимой формой научного исследования». Он отсчитывает начало этой формы с Жития Франциска Ассизского (сер. XIII в.), ссылаясь на авторитетное мнение П. М. Бицилли, фактически первого в отечественной гуманитаристике автора,

[11] В. И. Менжулин назвал публикацию биографии Р. Монка о Л. Витгенштейне символом биографического поворота в аналитической философии Менжулин 2013: 55. Но здесь надо добавить, что тезис Монка о глубокой связности жизни философа и его идей требует продолжения — сама личность философа постоянно менялась, трансформировалась. Как раз потому эта связность и присутствует, что сам Л. Витгенштейн не выступает статичным монументом, а постоянно меняется как живая личность. А его философия была его способом существования, а не некоей доктриной или учением. О связи жизни и философии у Витгенштейна писал и Руднев. Дж. Конант предложил рассматривать разных философ по-разному (Сократа, Витгенштейна и Рассела) и не изобретать универсального БМ. Каждая биография уникальна. Но все они пишутся, исходя из определенных оснований, установок, в рамках определенных биографических моделей. Как, например, писал свои романы Достоевский. Они разные. Но модель полифонического романа была вполне своя, особая, она становилась, оформлялась и воплощалась в конкретных примерах.

[12] См. также о методологическом дефиците [Артамошкина 2013]. Для его преодоления исследователь предлагает формирование своего словаря для БМ, выделив некоторые базовые понятия, методологически значимые, на которые мог бы опереться БМ, дабы формировать свой биографический дискурс. Она выделяет с ее точки зрения наиболее повторяющиеся понятия для написания биографий: жизненная история/жизнеописание, поколение, коллективная память, культурная память, идентичность, текст/контекст, аутентичность, референциональность, рефлексивность. Набор спорный. Если о биографии речь идет, то так и надо делать соответствующий набор для собственно биографического дискурса. В приведенном списке половина не из этого дискурса. К нему следует добавить: путь, личность, событие, горизонт жизни, жизненная траектория, судьба, место, линия жизни, я, другой, ты, дорога, дом, границы жизни, автор, герой... Артамошкина считает, что предложенные ею понятия связаны и с базовыми концептами авторов, которые разрабатывали свои учения, а БМ собственно вышел из них. Она также называет Дильтея, Хайдеггера, Гуссерля, Шюца, Лотмана, Бурдье, Званецки, Хальбвакса, Шютце. Но опять забывает Бахтина.

посвятившего БМ свои работы [Бицилли 2006]. Жизнеописания Плутарха и жития святых не берутся в расчет, поскольку в биографии св. Франциска впервые показывается жизнь конкретного человека, его личности, прошедшей жизненный путь и периоды становления[13].

Первый тип, выделенный Соловьевым на примере биографии И. Канта Арс. Гулыги [Гулыга 1977], предполагает показ творческого поиска героя, его «лаборатории мысли». Соловьев полагает, что Гулыга в своей биографии преодолел крайности интеллектуальной биографии, в которой герой исчезает под горой идей и мыслей, и сплетен о частной жизни:

> «...она кладет конец распространенному биографическому анекдоту, запущенному когда-то гегельянцами — о кенигсбергском педанте, чиновнике своего письменного стола, который произвел на свет соответствующую его склонностям и темпераменту бесстрастную, агностически трусливую философию» [Соловьев 1991: 26].

В этом первом типе биограф уделяет внимание проблемному единству творчества, в котором не исчезает живая личность мыслителя, но при этом показывается динамика и развитие его идей.

Во втором типе, на примере биографии Г. Галилея А. Штекли [Штекли 1972] показывается прежде всего личность и подвижничество мыслителя, не столько развитие его идей, сколько служение мыслителя избранным им идеалам.

Третий тип. На примере биографии М. Бакунина Н. М. Пирумовой [Пирумова 1970] Э. Ю. Соловьев показывает воплощение в жизни мыслителя реального социального проекта. Сам герой выступает здесь носителем этого проекта, его живым воплощением. А биография показывается как описание развития проекта через жизнь героя, описание значимой исторической идеи [здесь — идеи анархизма]. Мыслитель сам становится воплощением этой живой идеи.

В биографии Б. Паскаля Б. Н. Тарасова [Тарасов 1979] воплощается четвертый тип — опыт личностного синтеза различных форм духовного опыта [философии, науки, религии, нравственности].

Надо сказать, что выделенные типы не вполне ясны и недостаточно четко очерчены в своих пределах и способах существования. Но главное для Соловьева возникает тогда, когда на биографии личности мыслителя показывается «обратная проблематизация той или иной концепции», когда от итоговой концептуальной формы, воплотившейся в учении, мы возвращаемся к истоку, к самой личности, и исследуем саму драму рождения этой концепции [Соловьев 1991: 45–46].

Это важнейшее методологическое замечание. История философии обычно имеет дело с рассказом об итоговых концептах и доктринах, готовых идеях, она рассматривает их как готовые мыслительные формы. Биография мыслителя на

---

[13] Это подтверждает и С.С. Аверинцев, посвятивший биографическому жанру в античности специальные работы [Аверинцев 1973; Аверинцев 1994]. Греки биографий долго не писали, отмечает Аверинцев. Интерес к жизни индивида, как принадлежащей этому индивиду и от его личных и частных свойств обретающей связность и цельность своего сюжета, — вот импульс, без которого биография немыслима. Импульс появился позже. При этом применительно к античности можно говорить о биографическом опыте, но не о методе. Написание биографий разных мыслителей и исторических деятелей не создало еще необходимого рефлексивного уровня для выделения БМ в особый способ анализа и исследования. Аверинцев классифицирует биографический опыт, виды и жанры биографий. Но не анализирует БМ, как метод, и сам его не предлагает.

этом фоне если и пишется, то лишь как персонификация идеи, рассказ о рождении концепции, великой системы, доктрины.

Собственно философская биография возвращает нас к самой драме рождения этих мыслительных форм. Да, замечает Э. Ю. Соловьев, непосредственным объектом для биографа выступает жизнь отдельного человека. Но главным предметом в этой оптике выступает та конкретная социальная и культурная ситуация, в которой жил мыслитель. И тогда «по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления» Соловьев 1991: 46].

Э. Ю. Соловьев один из первых (после П. М. Бицилли, см. ниже) отмечает важнейший тренд, наметившийся в западной биографистике, идущий от В. Дильтея и Г. Миша. Мы в предыдущей части работы уже отмечали то, что В. Дильтей выделял биографию как фактически единицу гуманитарного исследования [Смирнов 2024]. Впоследствии, замечает Э. Ю. Соловьев, в гуманитарных науках не развивалась сколь-нибудь значительная систематика биографического опыта.

Интерес к биографии, пишет Э. Ю. Соловьев, постепенно заместился темой автобиографии, которая уже другим представителем дильтеевской школы Г. Мишем ставится во главу угла. С тех пор обозначилась такая дельтеевская герменевтическая позиция, согласно которой главный смысл и предмет биографии и автобиографии — это поиск героем своей самости, поиск самоидентификации и самореализации. Каким бы ни было время, какой бы ни была ситуация, все биографии выстраивались по такой схеме самоидентификации. Поэтому, делает вывод Соловьев, они все стали походить друг на друга. А герои биографий как бы были все на одно лицо. Отличался только антураж, исторический материал:

> «Жизнеописания, каждое из которых акцентирует тему движения к себе самому, в совокупности создают картину каких-то ничейных, безличных, из века в век повторяющихся мытарств» [Соловьев 1991: 49].

Наиболее ярко, замечает Э. Ю. Соловьев, такая биографическая форма воплотилась в жанре психоаналитической биографии, представленной фактически как патография. В этих биографиях судьба героя показывается как длящееся в течение всей жизни выяснение отношений со своим комплексом, синдромом, патологией, а потому изначальный импульс для личностного развития исходит из болезни.

Более того. Личную историю болезни своего героя биограф рассматривает как модельную, на примере которой можно рассматривать и социальные болезни общества. Разрешая свою личную патологию, герой показывает то, как можно разрешать и социальные конфликты. Разрешение своей личностной патологии становится моделью решения социальных конфликтов [биографии Лютера и Ганди у Э. Эриксона][14].

[14] Можно упомянуть здесь и биографии К. Ясперса о Сведенборге, Гёльдерлине, Стринберге, Ван Гоге. По понятным причинам, автора фундаментальной «Психопатологии» интересовала природа патологии героя и описание биографии как серии попыток исцеления. С другой стороны, его же биографии Будды, Лао цзы, Конфуция показывают варианты здоровой духовной жизни, в которой патология изначально преодолена. Но при этом сами фигуры героев символичны. Ясперса интересовала больше символическая реальность, нежели судьба конкретных, смертных, грешных...

Отмечая эту коллизию, Э. Ю. Соловьев выходит на иную более принципиальную проблему, которая играет важнейшую роль в биографическом анализе — проблему интериоризации и присвоения индивидом социальной культурной ситуации и социального конфликта и его содержательно-творческого разрешения на личном уровне [Соловьев 1991: 51]. Биограф должен показать то, как его герой вникает в историческую культурную ситуацию, присваивает ее себе как личную проблему и как он переплавляет внешний конфликт на личном опыте, выходит на личностное разрешение конфликта. Здесь уже не нужен психоанализ. Это проблема любой личности, которая переживает проблему присвоение исторической ситуации, овладение историческим материалом с последующим переходом в разрешение разрывов и конфликтов во внешний план активного действия.

Для этого, акцентирует Э. Ю. Соловьев, необходимо взглянуть на исторические обстоятельства социально-диагностически, увидеть общество в качестве «источника нравственно-исторических апелляций; необходимо развернуть обстоятельства в драму, участником которой был герой биографии». А поэтому все названные выше типы биографий выступали для Э. Ю. Соловьева версиями решения одной задачи — показать «человека в объективной драме истории». Но получается, что для Соловьева в биографиях представлены все же не живые люди, не сами личности, а персонажи исторической драмы, скорее «надвременные монограммы мыслителей». Именно показ исторической драмы во всей ее полноте через призму жизни своего героя, считает Э. Ю. Соловьев, дает шанс преодоления мемориальности и фиктивности биографии, которая не заменяет концепции историко-философского процесса.

В выводе, который делает Э. Ю. Соловьев, звучит явно выраженная апроприация, как это говорится в современном аналитическом дискурсе[15]:

> «...заставить интеллектуалов прошлых веков отвечать на современные вопросы, вовлечь их в нынешние дискуссии в качестве живых собеседников и даже проницательных наставников — вот, пожалуй, самый плодотворный, самый удивительный результат, которого может достигать биографический анализ» [Соловьев 1991: 52].

Вышеприведенная ссылка Э. Ю. Соловьева на П. М. Бицилли важна. Последний относится к одной из полузабытых фигур во времена советской историографии. Сейчас имя это восстановлено. Его труды издаются. То, что П. М. Бицилли отметил, конечно, не удивительно. Эпоха Возрождения, набиравшая силу, воплощается как раз в том, что зреет новая единица осмысления и существования — отдельный индивидуум, вычленяющийся из среды, из социального и церковного тела, ранее бывший частью единого тела церкви и социальной организации. П. М. Бицилли пишет:

> «Индивидуум, становящийся пунктом скрещения и столкновения нескольких сфер, начинает сознавать, что у него есть своя собственная сфера, ни с одной из социальных сфер целиком и без остатка не совпадающая. В XIII в. уже возникает новый социальный тип «интеллигента», характерной чертой которого является оторванность от среды, не приставшего всецело ни к какой общественной группе и свободно судящего каждую. Таков Салимбене. В молодости бросивший дом и ушедший, несмотря на уговоры отца, во

[15] Он, конечно, такого понятия не вводил, но имплицитно обозначил.

> францисканский орден.... Индивидуализм, поскольку он означает самососредоточение, самоуглубление, готовность отрешиться от конвенционализма, стремление стать самим собой познать самого себя, найти своего Бога в своей душе ... — связаны вместе» [Бицилли 2006: 186].

П. М. Бицилли говорит о рядовом члене ордена, Салимбене, написавшем свою автобиографию, в которой показывается обычная жизнь среднего члена ордена. Не великого мистика и святого, а обычного человека. Для XIII века — это единственный памятник такого рода. Его явление показывает рождение самого феномена биографизма. Рассказ о себе как об отдельном существе, индивиде. На этом примере Бицилли показывает формирующийся тренд — обращение к отдельной личности и попытку показать через ее жизнь и судьбу происходящие в мире тренды и метаморфозы:

> «Какую бы отрасль истории мы ни изучали — в конечном анализе исторических явлений мы всегда приходим к отдельной личности[16]. Личность есть в конце концов единственный реальный фактор исторического процесса. Слишком часто забывают это, говоря об «экономических», «идейных» и проч. факторах, забывают, что они имеют значение лишь постольку, поскольку преломляются в сознании отдельных лиц, становясь мотивами, овладевающими их волей и направляющими их деятельность. Однако подойти к личности историку редко, когда удается» [Бицилли 2006: 235].

На примере автобиографии Салимбене, рядового монаха, члена францисканского ордена, П. М. Бицилли показывает не только то, как была устроена личная жизнь среднего человека в средние века, но и сам феномен рождения автобиографического письма, не стремясь свалиться в надвременной дискурс, в чем тот же Соловьев обвиняет других биографов (см. выше). Все же Соловьев сильно захвачен идеологемой исторического материализма и несмотря на интерес к биографиям, все же видит даже в судьбах отдельных людей исторические процессы. Но последние же суть не более, чем конструкт в мышлении исследователя, а единственная реальность, которая существует, это реальность отдельной личности, на чем и акцентирует внимание П. М. Бицилли[17].

Фактически мы имеем дело с так называемой личностной парадигмой в гуманитарных науках, согласно которой в личности персонифицируется история, и культура. В истории личности сосредотачивается феномен историчности [Голубович 2012: 91]. Исследователь в рамках такой парадигмы выстраивает особую оптику — в истории личности собирается в спрессованном виде историческое явление. Это, например, ярко показано в работах Лотмана, посвященных жизни декабристов, истории культуры России, биографии Пушкина, Карамзина.

Принципиально иной подход к БМ показал Подорога, задавшись вопросом — как возможна авто-био-графия, но не как литературный жанр, а как

[16] Здесь в явном виде слышится перекличка П. М. Бицилли с Г. Мишем и М. М. Бахтиным. Работа П. М. Бицилли «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII в.» была опубликована в 1916 году в Одессе. Ранее в 1907 году Г. Миш пишет: «За всеми духовными творениями, даже за самыми абстрактными концептуальными системами, наше чувство реальности находит человека» [цит. по: Misch 1907: 4; Махлин 2012: 853]. Бахтин, конспектировавший работу Г. Миша в 1938 году, в конце жизни в 1973 году пишет: «от любого текста, иногда пройдя через длинный ряд посредствующих звеньев, мы в конечном счете всегда придем к человеческому голосу, так сказать, упремся в человека» [Бахтин 2012: 498]. См. нашу отсылку об этом в предыдущей части статьи [Смирнов 2025а].

[17] См. отдельный анализ работ П. М. Бицилли в статье Голубович [Голубович 2013].

концептуальное единство, как дискурс или «высказывательный порядок, продолжающий влиять на выработку нашего отношения к становлению экзистенциального опыта во времени [индивидуальная история жизни]», как история жизни может быть выражена в понятиях? [Подорога 2001: 7].

Почему части слова разделены дефисом? Потому что они означают разные части опыта, разное содержание опыта. Вроде очевидно, «био» относится к переживаниям, «авто» относится к пониманию, а «графия» относится к рассказу, письму.

В. А. Подорога задается вопросом — как возможно произведение «Эйзенштейн»? Не его фильмы, не тексты, не его биография, а он сам как произведение, автобиография или автобиография лишь части его, произведения, его актуализация? [Подорога 2001: 142].

Свою задачу в создании «психобиографии» С. М. Эйзенштейна В. А. Подорога так и видит: он пытается построить произведение «Эйзенштейн», привлекая архивные материалы, мемуары, не стремясь при этом к написанию истинной, точной и достоверной биографии. Мне достаточно видеть то время из своего времени, потому что я имею возможность анализировать, поскольку я вижу иное со стороны. Ведь самому персонажу недоступно его собственное время, он внутри его, он не может понять свое время, как я не могу понять свое. Оно мне не подвластно[18].

Но В. А. Подорога взял сложный объект. Его коллеги-оппоненты задавали ему вопрос: не делает ли его герой Эйзенштейн из своей биографии еще одно кино? Он же режиссер. В. А. Подорога с этим согласен. Но он же не пишет объективную биографию. Он пишет произведение. Да, мемуары его героя — чистый кинематограф. В этом смысле они, конечно, специально сделаны. И потому к его мемуарам надо относиться соответственно. То есть, я, В. А. Подорога, в этом смысле не биограф Эйзенштейна. Относиться к его мемуарам, особенно касающимся его детства, как к объективным источникам, нельзя. Здесь нет никакой достоверности, точности, объективности. Но в них есть сделанность режиссера, сделанность его как произведения. В. А. Подороге интересна не научная биография, в которой важны точные даты, хронология, опора на документы, достоверность. В. А. Подороге интересна воображаемая биография. В ней ставится вопрос не о том, как жил на самом деле человек, а вопрос о том, как бы он хотел жить в своих сделанных «Мемо». И ради чего он жил [Подорога 2001: 144–145].

> «Тот, кто живет, никогда не живет актуально, он живет, исходя из возможного, воображаемого, идеального проекта жизни. Вот этот проект и есть произведение как форма жизни [биографируемая]» [Подорога 2001: 145].

[18] Здесь слышится перекличка В. А. Подороги и М. М. Бахтина, писавшего о том, что ввиду того, что автор занимает позицию вненаходимости, он обладает избытком видения относительно героя. Ровно также избытком видения обладает тот, кто пишет о другом, а не о себе. Относительно себя человек не может обладать избытком видения, поскольку не занимает позицию вненаходимости. Поэтому в пределе автобиография невозможна. Ты, вознамерившись писать о себе автобиографию, не сможешь писать о себе как есть, правду. Ты будешь впадать постоянно либо в ложный нарциссизм, либо в псевдоюродство, а писать о себе как есть ты не сможешь по объективной причине, в силу отсутствия у тебя позиции вненаходимости. Искусственно ее задать невозможно [Бахтин 2003: 104-105 и др.].

Один из участников дискуссии О. В. Ознобкина заметила, что в этой погоне за сделанностью мы получаем чистую фикцию. Даже фетиш. Эйзен — тот, кто создавал фетиши [Подорога 2001: 152].

Подорога подтвердил это. В этой связи любое высказывание героя, любой документ, любое обращение, имеют право на то, чтобы быть использованным для создания произведения. И к ним не применимо понятие достоверного. Они все имеют право на то, чтобы быть использованными. Они все — равнозначные источники, поскольку они свидетельствуют о моем герое.

Но может ли быть выбран другой герой для такого рода биографического анализа? Не Эйзен? В. А. Подорога не ответил. Точнее, он ответил своей уже биографией, о чем он пишет позже. Для него Эйзен по жизни был одним из первых учителей, первым настоящим путеводителем к знанию. Не только как режиссер и теоретик кино и театра, но и как мыслитель. А тома его собрания сочинений, вышедшие еще в 60-е годы прошлого века, были для В. А. Подороги первыми большими учеными книгами. И таковыми остались с ним навсегда [Подорога 2017].

Современный биографический сдвиг

Надо разделять БМ как средство в социальных и гуманитарных исследованиях, с одной стороны, и биографию как объект исследования. Второе кормит первое и наоборот. Голубович отмечает это, показывая, что здесь должна быть двуединая цель: биография как социокультурный феномен, исследующий индивидуальные, личные стороны бытия человека; с другой стороны, роль биографии и БМ в гуманитарных исследованиях [Голубович 2012: 87].

Как мы уже отмечали в начале, рост биографического вала, биографический бум есть проявление иного феномена — антропологического поворота в науках и философии [см. о поворотах выше]. И потому феномен биографизма не может быть рассмотрен отдельно от происходящих гуманитарных поворотов. Да и в самом биографическом повороте происходит смена парадигм, означающая переход от классического биографизма (в нем доминирует интерес к внешней эмпирической жизни персонажа) к «новому биографизму» — переход к осмыслению и описанию внутренней, духовной жизни героя. Голубович указывает на различие подходов у Сент-Бёва и Пруста. Первый в своих литературных портерах показал классический биографический подход второй показал феномен внутренней духовной жизни. Здесь можно добавить и лекции Мамардашвили о Прусте. Но я бы не разделял так радикально Сент-Бёва и Пруста, несмотря на то, что последний специально написал очерк «Против Сент-Бёва» [Пруст]. К методу Сент-Бёва мы еще вернемся. Думаю, что, избрав жанр литературного портрета, Сент-Бёв ухватил нерв биографирования — создание образа героя, не равного реальному человеку. Через образ французский писатель попытался изобразить не изобразимое — собственно внутренний своего персонажа, в духе представлений о том, что такое портрет как жанр. Очевидно, что портрет — не копия человека, а попытка в слепке, в отпечатке изобразительными средствами запечатлеть образ героя.

Но существо проблемы в том, что нынче уже в XXI веке обе фигуры показали с разных сторон феномен биографического сдвига. Несмотря на такую разницу во временной хронологии, мы видим обозначенные вехи роста интереса к

изображению жизни отдельной личности. Сначала обозначенный Бицилли феномен автобиографии Салимбене XIII века, затем рост (авто)биографического опыта в эпоху Возрождения и Просвещения. И далее сам накопленный материал и развитие психологического романа в XIX веке рождает рефлексивную позицию и выделение литературного портрета в отдельный жанр. Что неминуемо приводит к опыту авторефлексии, радикально выраженной у Пруста, хотя, впрочем, начало XX века уже показывает деструкцию и развал целостности человеческого образа, что воплотилось в крахе самого жанра романа и вообще литературного письма (в лице антиромана Джойса) и кстати в кризисе и жанра портрета, что показано так и у самого Джойса («Портрет художника»)[19].

Пример подхода В. А. Подороги, принципиально отказавшегося от таких принципов научной биографии, как достоверность, полнота и точность источников — в пользу конструирования точного образа героя, показывает явную недостаточность этих принципов в БМ. БМ не всегда обязательно строится на полноте и достоверности источников, архивных документов, на выверенности фактов, на представленности артефактов и личных вещей, которых касались руки героя. Во всяком случае, сведение научности биографии к достоверности уже не кажется главным критерием БМ. Более того, почему научность понимается так однобоко? Ведь в сущности имеется в виду наличие тексов и вещей-артефактов, которые сами по себе вообще-то мало что значат. Само наличие тексов, рукописей, архивов, свидетельств, дневников, писем и проч. не обеспечивает действия принципа достоверности, а потому их наличие этого обилия текстов не гарантирует научность биографии. Биограф в любом случае занимается реконструкцией и конструированием образа своего героя независимо от полноты архивных источников. Само по себе наличие текстуальных и вещественных источников не гарантирует научности.

Что дает само по себе наличие того или иного артефакта? Вот, например, лежат мундштуки на столе в кабинете в Центре М. М. Бахтина в Саранске, реконструированном его сотрудниками. Это что доказывает? Что Бахтин был злостный курильщик? И что нам дает эта деталь? Она относится к полноте и достоверности свидетельства? Свидетельства чего? Пикантная деталь, не более того. Или костыли, стоящие рядом с письменным столом. Эти детали дают важные, но сами по себе не достаточные жизненные показания, которые начинают оживать лишь при реконструкции образа философа. Много куривший, в том числе потому, что его без конца мучили боли в ноге, лишившийся ее в 1938 году, вынужденный с тех пор ходить на костылях, ведший из-за этого мало подвижный образ жизни, пополневший, ставший тучным, в котором московские филологи с трудом признали в 1961 году того самого, который...

Эти все детали и тексты, вещи, мелочи и проч., говорившие о той жизни человека, в том Времени, все равно требуют от биографа проникновения в то время, помещая себя в его хронотоп, он вынужден создавать этот образ, хотя и стремящийся к полноте, но никогда не законченный, всегда не полный, всегда как будто набросанный карандашом или тонкой акварелью черновик...

В подавляющем большинстве существующие биографии написаны по поводу ушедших философов. О живых философах как правило биографии не пи-

[19] См. замечательный анализ произведения Джойса «Портрет художника» в статье С. С. Хоружего [Хоружий 2008].

шутся. Методологически это принципиально отличается от опытов биографий в социологии, которую интересуют живые люди. Биографии философов — это всегда биографии ушедших людей.

Это объясняется спецификой и природой научного исследования. Для социолога биография респондента выступает в качестве средства, инструмента для получения информации о той или иной социальной группе, когорте, популяции. Как бы ни говорили о росте внимания к жизни отдельных людей, индивидуальности и личностном подходе, все равно в социальных исследованиях важна информация о социальных процессах, скрытых за жизнью людей. Биографии в этом смысле выступают способом для получения данных о той группе, которую представляет респондент, чья биография пишется, берется у него интервью, чья устная история рассказывается и записывается. Он все равно выступает как носитель тренда, представитель, респондент, информант, поставщик данных.

В философии, как и в литературоведении, образ героя биографии самоцелен. Здесь важна личность героя, его жизнь, его идеи, произведения. Написанный образ стремится к портретному сходству.

Это отмечается в современных исследованиях по биографистике [см. Heinrich 2016]. Подчеркивается, что исторически, со времен XVIII века, когда биография становилась как самостоятельная культурная форма, она стремилась к созданию эффекта *живого присутствия героя*. Хотя исследователи отмечают, что фактически создавалась «фикция фактичности» и ложное отождествление героя биографии с рассказом о себе, в силу чего это герой теряет ощущение границы между собой реальным и собой биографическим.

Именно стремление биографии к тому, чтобы стать инструментом, подлинным средством для осознания человеком собственной идентичности, уместности, субъектности, приводило к тому, что создавался эффект, с одной стороны, зазора складки между реальной жизнью и рассказом о ней, и, наоборот, потери границы в сознании героя между реальными событиями и рассказанными в биографии, и тем самым стремление к своему я приводило к потере этого я.

Стремление к портретному сходству человека в биографии роднит ее с портретом в живописи. Это порождает и определенную моду, если не тренд, на то, чтобы отождествлять биографию человека и жанр портрета в живописи. А создание серии биографий — с галереей, представленной на выставке. Само отображение физического облика человека представляется в таком случае как средство постижения его личности.

Исследователи отмечают, что портрет был популярной метафорой в осмыслении биографий в XVIII в. [Lee 2009].

Кстати, именно в связи с тем, что жанр портрета был весьма популярен и фактически чуть ли не доминирующим в век Просвещения и рост внимания к личности человека, стремлением к поиску его неповторимости и индивидуальности, то становится понятным стремление, если не отождествить, то увидеть сходство между написанием биографии человека и написанием его портрета.

Тем самым О. Сент-Бёв приходит к идее написания литературных портретов, став зачинателем этого жанра. Но это уже случилось в первой половине XIX века [Сент-Бёв 1970]. Мы к этой теме еще вернемся чуть ниже. Фактически, как ни странно, эта идея может задать специфику собственно и методу фило-

софского портрета как самостоятельного жанра в истории и философии, о чем мы уже заявили в предыдущих частях статьи [Смирнов 2024].

Пока же литературный портрет остался распространенным более в литературе. Но если в литературоведении писатель и поэт доступны широкому читателю, которому интересна частная жизнь его кумира, то в философии фигура философа далека от массового читателя. А к написанию биографии философа биографы до сих пор не подобрали своего ключика. До сих пор, как мы и писали в предыдущих частях статьи, собственно биографический метод в истории философии до сих пор не выработан[20].

Хотя, казалось бы, формы и способы презентации, рассказа и показа отдельного философа или группы философов, или целого поколения, для составления коллективного портрета в жанре просопографии, существуют самые разные. Например, используются устные истории и рассказы живущих ныне философов, представителей того или иного поколения, но не столько для рассказа о самом себе, сколько для осмысления феномена философского поколения, показа жизни поколения, написания коллективного портрета целого поколения, например, поколения 60-ов или 80-ов [см. Философские поколения 2022].

Вместе с тем, несмотря на попытки отстоять самостоятельность и научность биографического жанра в гуманитарных науках, современные исследователи констатируют, что этот жанр до сих пор подвергается критике как профессиональный инструмент и метод, мало полезный с точки зрения получения достоверного научного знания, относящийся больше к массовой культуре, нежели к научному исследованию, ставящий увлекательность, доступность, популярность выше объективности и достоверности, потакающий культу знаменитых героев и звезд [Theoretical Discussions of Biography 2014].

На этом фоне выглядят отрадными исключениями выходящие в последние годы фундаментальные биографии философов. Такие, как биография М. Хайдеггера Г. Пайена [Пайен 2025], биография И. Канта М. Кюна [Кюн 2022], биография Р. Декарта Р. Уотсона [Watson 2002], биография В. Беньямина Х. Айленда и М. У. Дженнингса [Айленд, Дженнингс 2018], биография Ж. Деррида Б. Петерса [Петерс 2018], несколько ранее — биография Л. Витгенштейна Р. Монка [Монк 2018].

Г. Пайен во введении к своей работе, написанной сочным, богатым и глубоко научным языком историка, вполне осознанно применяет метафору портрета:

> «... мое воображение свободно бежит лишь по тем тропам, что проторены историческим разумом, но я не пренебрегаю при этом кистью живописца, тем более что сколь историчным ни было бы жизнеописание, в нем всегда создается портрет человека. Портрет этот — подвижный, как в физическом плане, так и в моральном...» [Пайен 2025: 17].

По мере написания своей «исторической биографии», замечает Г. Пайен, менялись лики философа. Но при все том, что он как историк окончательно понял, что Хайдеггер — убежденный нацист, это не позволило ему поставить философа к позорному столбу. Автору биографии было важно понять философа

[20] М. Н. Вольф полагает, что автор биографии Р. Декарта Р. Уотсон фактически продемонстрировал уникальный вариант философской биографии, показав в ней сочетание глубины анализа, привлечение новых источников и критическое отношение к своему герою. Биография написана с позиций скептического отношения к Декарту. Здесь представлена история человека, а не монумента, как сказал сам Уотсон [Вольф 2021 (ред.): 44–45].

в его Времени, понят само его время, понять истоки его мысли. Ему было важно поместить философа в его время [Пайен 2025: 15, 29]. Добавим от себя — с тем, чтобы само это Время заговорило своими голосами.

Можно добавить замечание Р. Монка, которое он дал в предисловии к своей биографии Л. Витгенштейна. Биограф замечает, что о его герое написаны тысячи работ, статей, воспоминаний, фильмов и проч. Но нет главного — единства личности. Все это обилие не объясняет того,

> «... что общего его работа имеет с *ним самим* — какая связь между духовными и этическими переживаниями, которые главенствуют в жизни Витгенштейна, и далекими, на первый взгляд, философскими вопросами, которые главенствуют в его работе. Цель этой книги — преодолеть этот разрыв...» [Монк 2019: 16].

М. Кюн в своей фундаментальной биографии Канта пытался преодолеть разные биографические крайности, которые накопились в течение многолетней истории кантианы. М. Кюн отмечает, что с первых же лет после смерти философа биографии великого немца страдали либо апологетикой, либо откровенно карикатурными изображениями героя. В это дело включились все, в том числе, например, и поэт Г. Гейне, который полагал, что у Канта

> «... не было у него ни жизни, ни истории. Он жил механически размеренной, почти абстрактной жизнью холостяка в тихой, отдаленной уличке Кёнигсберга — старинного города на северо-восточной границе Германии. Какой странный контраст между внешней жизнью этого человека и его разрушительной мыслью, сокрушающей мир!» [Кюн 2022: 28].

И. Канта изображали, пишет М. Кюн, «концептуальным калекой», его история жизни была не историей реальной личности, а историей головы, поскольку сводились к пересказу основных идей философа. Например, в том числе и наш отечественный автор Арс. Гулыга замечал, что у Канта нет другой биографии, кроме как истории его учения [Гулыга 1977: 5]. Его биография далека от научности. Это популярное изложение философии И. Канта, но не самостоятельная биография. Это хорошо написанное изложение жизни философа для русского читателя. Сиречь, биография весьма идеологизированная (говоря словами Ж. Деррида — ангажированная).

Кюн дает точную оценку: во всех многочисленных биографиях жизнь И. Канта, которую они представляют, принадлежит не Канту, она присвоена биографами. Происходит полная апроприация философа. И мы тем самым читаем не его жизнь, а придуманные биографами истории.

Долгое время, отмечает М. Кюн, научной биографии И. Канта просто не существовало. Разве что появилась работа Форлендера в 1924 году, в которой автор пытался «оживить старого Канта, как он жил и думал» [Кюн 2022: 32].

М. Кюн отмечает, что биографии философов — вообще вещь редкая. Это связано с тем, как делается и как живет вообще философия. Для философа-аналитика биография мыслителя вообще не важна, не имеет значения, поскольку она ничего не говорит о его учении, его позиции, его взглядах, ничего не добавляет к его научной аргументации.

> «Биографии философов писать трудно. Нужно найти баланс между описанием подробностей биографии и обсуждением философских работ. Биография не должна превратиться ни в один лишь рассказ о жизни философа,

ни в простое обобщение или общее обсуждение его книг. Если биография слишком сосредоточена на случайностях, составляющих жизнь ее героя, она может оказаться банальной и не интересной (хотя бы потому, что философы обычно не вели и не ведут захватывающую жизнь). Если биография слишком погружена в труды философа, она быстро станет скучной по другой причине. <...> В идеале биография любого философа должна быть интересной и с философской, и с исторической точки зрения, и сочетать историю жизни философа с философски интересным взглядом на его работы... Нужно прояснить, как связаны жизнь и мысль философа» [Кюн 2022: 35].

Учитывая эти трудности, М. Кюн пытался написать интеллектуальную биографию И. Канта, показывающую, насколько интеллектуальные интересы философа коренятся в его времени [Кюн 2022: 37].

Фактически М. Кюн пишет о том же, что мы и говори ранее [Смирнов 2024]. Философская биография отличается тем, что это не пересказ его идей и не рассказ о пикантностях личной жизни, и не механическое сочетание этих планов.

Нужно показать момент времени, показать то, как в этом моменте времени рождается философская мысль человека. Когда находится оптимальное сочетание такого контекста, тогда мы имеем феномен показа рождения философа в человеке во времени. Это самое трудное. Получилось ли это у М. Кюна — разговор отдельный. Но мы имеем важное методологическое замечание к тому, что такое БМ в истории философии, подтверждающее вышеописанную нашу позицию.

Еще более радикально выразил позицию Ж. Деррида, герой другой, весьма глубокой и богатой биографии Петерса [Петерс 2018].

Французский философ, в отличие от большинства философов, считал наоборот — это биография и автобиография является главным делом жизни и мысли философа, а не его сочинения. То, что он потом пишет в своих трудах, идет в качестве дополнения к его жизни:

«По сути, Мемуары в форме, которая бы не совпадала с тем, что обычно называют мемуарами — это общая форма всего того, что меня интересует, безумное желание все сохранить, все собрать, выразить своим особым языком. А философия, во всяком случае академическая, для меня всегда была просто помощницей в этом мемуарном автобиографическом проекте» [Петерс 2018: 11].

Здесь показана иная, радикально другая позиция. Именно жизнь философа как целостной личности, во всем ее многообразии, выступает главным предметом интереса как самого философа, так и его биографа. А его труды лишь помогают им в этом деле.

Деррида всячески подчеркивал в течение всей жизни, что философ интересен прежде всего своей жизнью во всей ее полноте и противоречивости, включая и те моменты, которые он хотел бы скрыть от чужого глаза.

«Я принадлежу к числу тех немногих, кто постоянно напоминал: нужно вернуть на сцену биографию философов и ангажированности (но нужно сделать это хорошо), в частности, творческой ангажированности, подписанной их собственным именем, о ком бы ни шла речь — о Хайдеггере или Гегеле, о Фрейде или Ницше, о Сартре или Бланшо и т.д....

Мне хотелось бы, чтобы они (философы) поговорили о своей сексуальной жизни. Какой была сексуальная жизнь Гегеля или Хайдеггера?... Ведь об

этом они не говорят. Мне бы хотелось, чтобы они заговорили о том, о чем не говорят. Почему философы в своих работах представлены в качестве бесполых существ? Почему они изгнали из своих произведений личную жизнь? Почему они никогда не говорят о личном? Я не утверждаю, что нужно было бы снять порнофильм о Гегеле или Хайдеггере. Я хочу, чтобы они рассказали о том, какую роль в их жизни сыграла любовь» [Петерс 2018: 10-11].

Поэтому Петерс подчеркивает: моя книга — не интеллектуальная биография [как привычно называют подавляющее число биографий философов]. Поскольку она пропускает целые куски жизни живой личности и сводит эту личную историю к пересказу идей, трудов, концепций, интеллектуальных споров. Но из такого пересказа нельзя понять, когда и как рождается собственно эта личность.

Один из комментаторов Деррида негативно отнесся к самой возможности биографии о нем именно потому, что относительно биографии как жанра и способа письма накопилось огромное число штампов и стереотипов. А потому он полагал, что биография именно о Деррида невозможна:

«Можно побиться об заклад, что одним из последних научных или квазинаучных жанров письма, которые подвергнутся деконструкции, будет жанр биографии... Можно ли придумать множественную, расслоенную биографию, а не иерархизированную, иными словами, биографию *фрактальную*, которая бы уклонялась от тотализующих и телеологических целей, которые всегда руководили этим жанром» [Петерс 2018: 15-16].

Петерс делает вывод: «Написать биографию — значит пережить личное и порой пугающее приключение», в результате которого твой герой, в данном случае Деррида, становится частью жизни биографа. Нечто вроде посмертного друга [Петерс 2018: 16].

«Я убежден: биография есть лишь у мертвых. Следовательно, всякой биографии не хватает главного читателя — самого усопшего. И если есть этика биографа, быть может, ее можно определить так: осмелился ли бы он предстать вместе со своей книгой перед своим *предметом*?» [Петерс 2018: 16].

Стремление к цельности и полноте образа своего героя БМ предполагает учет и специфики самой его повседневной жизни, и манеры письма, и стиля мысли, и способ представления результатов размышлений. Например, авторы биографии В. Беньямина столкнулись с серьезными трудностями ввиду того, что их герой, с одной стороны, никак не походил на классиков философии, на фундаментальные фигуры Канта или Гегеля, с другой, демонстрировал тонкость и глубину философской мысли, ведя образ жизни, с одной стороны, свободного литератора, с другой, тонкого исследователя европейского модерна, с третьей, парижского фланера, левака-авантюриста, любителя ресторанных изысков, азартных игр, исследователя культурных маргиналий [борделей, азартных игр], изображавшего свой опыт мысли в острых эссеистических формах, отточенных и выверенных:

«... он был новатором в области формы: в основе его самых типичных произведений лежит то, что он вслед за поэтом Штефаном Георге называл *Denkbild*, или “фигурами мысли”: афористическая прозаическая форма, путем сочетания философского анализ с конкретными образами приводящая к фирменному критическому мимесису <...> Гений Беньямина позволил ему найти формы, в рамках которых глубина и сложность вполне сопоставимы с

> тем, что мы видим у таких его современников, как Хайдеггер и Витгенштейн. Поэтому чтение Беньямина становится не только интеллектуальным, но и чувственным опытом. В воображении читателя расцветают полузабытые слова, подобно тому, как раскрывается вкус размоченного в чае печенья» [Айленд, Дженнингс 2018: 12]

Несмотря на то, что в явном виде во всех перечисленных выше биографиях, вышедших за последние 30-40 лет, как раз во время биографического бума, не был выделен в явном виде биографический метод (мы имеем некоторые рефлексивные комментарии их авторов), главная задача в них указывается точно и единогласно — попытка написать философский портрет личности своего героя на фоне его времени.

Литература

Адо 2005а — *Адо П.* Духовные упражнения и античная философия / пер. с фр. при участии В. А. Воробьева. М.; СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005. 448 с.

Адо 2005б — *Адо П.* Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / пер. с фр. В. А. Воробьева. М.; СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005.

Аверинцев 1973 — *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография. М.: Наука, 1973.

Аверинцев 1994 — *Аверинцев С. С.* Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М., 1994. Т. I. С. 637–653.

Авто-био-графия 2001 — Авто-био-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1 / Под ред. В. А. Подороги. Серия Ecce homo. М., 2001.

Айленд, Дженнингс 2018 — *Айленд Х., Дженнингс М. У.* Вальтер Беньямин: критическая жизнь; пер. с англ. Н. Эйдельмана; под науч. ред. В. Анашвили и И. Чубарова. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

Артамошкина 2013 — *Артамошкина Л. Е.* Концептуальные основания биографического метода в философии культуры и культурологии // Studia Culturale. 2013. № 16. С. 15–25.

Асмус 1973 — *Асмус В. Ф.* Иммануил Кант. М.: Наука, 1973.

Бахтин 2003 — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. 957 с.

Бахтин 2012 — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа [1930–1961 гг.]. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Бахтин 1996 — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари. 1996. 732 с.

Бахтин 2002 — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.

Бицилли 2006 — *Бицилли П. М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М.: Языки славянской культуры, 2006. 808 с.

Валевский 1993 — *Валевский А. Л.* Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993. 110 с.

Вольф 2021 [ред.] — Философия и ее история. Дискуссии: Учебное пособие / Сост., вводная статья, перевод и коммент. М. Н. Вольф. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2021.

Вольф 2025 — *Вольф М. Н.* Кант и исторический поворот // Кант в эпоху поворотов / Общ ред. М. Н. Вольф. Новосибирск: ИПЦ НГУ. С. 13–52.

Габриэл 2014 — *Габриэл М.* Любовь и Капитал. Биография личной жизни / Пер. с англ. Д. Налепиной. М.: АСТ, 2014. 832 с.

Голубович 2008 — *Голубович И. В.* Биография: силуэт на фоне Humanities [методология анализа биографии в социогуманитарном знании]. Одесса: Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, 2008.

Голубович 2012 — *Голубович И. В.* Биография: методология анализа в гуманитарном знании // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIII. № 3. С. 84–97.

Голубович 2013 — *Голубович И. В.* П. М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автобиография и биография, письмо и чтение: Сб. докладов / Ред.-сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 62–80.

Гудкова 2016 — *Гудкова В.* Населяя историю людьми: биографический метод как инструмент гуманитарной науки // AutobiografiЯ. 2016. № 5. С. 17–37.

Гулыга 1977 — *Гулыга Арс.* Кант. М.: Молодая гвардия, 1977.

Кассирер 1997 — *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. СПб.: Университетская книга, 1997.

Кюн 2022 — *Кюн М.* Кант: Биография / Пер. А. Васильевой, под науч. ред. К. Чепурина. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2022.

Лотман 1985 — *Лотман Ю. М.* Биография — живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 228–236.

Лотман 1987 — *Лотман Ю. М.* Сотворение Кармазина. М.: «Книга», 1987. 336 с.

Лотман 1997 — *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте [К типологическому соотношению текста и личности автора] // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство, 1997. С. 106–121.

Махлин 2012 — *Махлин В. Л.* Комментарии // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа [1930–1961 гг.]. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 847–857.

Менжулин 2013 — *Менжулин В. И.* Биография философа: изучать нельзя не изучать // Автобиография и биография, письмо и чтение: Сб. докладов / Ред.-сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 42–61.

Менжулін 2010 — *Менжулін В. І.* В. Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні. Київ: НаУКМА: Аграр Медіа Груп, 2010. 455 с.

Монк 2018 — *Монк Р.* Витгенштейн. Долг гения / Пер. А. Васильевой; науч. ред. В. Анашвили. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

Орлова 2020 — *Орлова Т. С.* Определение «биографического метода» Сент-Бёва в его работах разных лет // Молодой ученый. 2020. № 3 (293). С. 142–145. URL: https://moluch.ru/archive/293/66521 (дата обращения 23.11.2024).

Пайен 2025 — *Пайен Г.* Мартин Хайдеггер. Католицизм, революция, нацизм / Пер. с фр. О. Е. Волчек; под научной ред. С Л. Фокина. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2025.

Петерс 2018 — *Петерс Б.* Деррида. М.: Изд. дом «Дело», 2018.

Пирумова 1970 — *Пирумова Н. М.* Бакунин. М.: Молодая гвардия, 1970.

Подорога 2001 — *Подорога В. А.* Тетради по психобиографии С. М. Эйзенштейна // Автобио-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1 / Под ред. В. А. Подороги. Серия Ecce homo. М., 2001. С. 11–140.

Подорога 2017 — *Подорога В. А.* Второй экран. Сергей Эйзенштейн и кинематограф насилия. Т. 1. Зеркальная подпорка. Материалы к психобиографии. М.: BREUS, 2017.

Рогозин 2015 — *Рогозин Д. М.* Биографический метод: обзор литературы // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 120–129.

Рорти 1997 — *Рорти Р*. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М., 1997. С. 11–44.

Сент-Бёв 1970 — *Сент-Бёв Ш*. Литературные портреты. Критические очерки. М.: Изд-во «Художественная литература», 1970. 582 с.

Синюкова 2023 — *Синюкова Н. А*. Антропология исцеления: между технологией и заботой: Сб. работ и материалов / ред. С. А. Смирнов. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2023.

Смирнов 2011 — *Смирнов С. А*. Автопоэзис человека. Философские очерки по антропологии стиха. Новосибирск: Офсет, 2011.

Смирнов 2014 — *Смирнов С. А*. Структура акта автопоэзиса. Опыт поэтической антропологии // Человек.RU. 2014. № 9. С. 304–317.

Смирнов 2021 — *Смирнов С. А*. Город и Человек: Очерки по городской антропологии. М.: ЛЕНАНД, 2021.

Смирнов 2023 — *Смирнов С. А*. Метод М. М. Бахтина // Человек.RU. 2023. № 18. С. 280–323.

Смирнов 2024 — *Смирнов С. А*. Биографический метод в истории философии. Часть 1 // Человек.RU. 2024. № 19. С. 250–266.

Смирнов 2025а — *Смирнов С. А*. Биографический метод в истории философии. Часть 2. Генеалогия метода // Человек.RU. 2025. № 20. С. 198–220.

Смирнов 2025б — *Смирнов С. А*. Повороты в истории философии XX века: смыслы и рамки. Часть 1 // Философия науки. 2025. № 2 (106). С. 102–125.

Смирнов 2025в — *Смирнов С. А*. Повороты в истории философии XX века: смыслы и рамки. Часть 2 // Философия науки. 2025. № 3 (107). С. 92–112.

Соловьев 1991 — *Соловьев Э. Ю*. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991.

Тарасов 1979 — *Тарасов Б. Н*. Паскаль. М.: Молодая гвардия, 1979.

Философские поколения 2022 — Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая[21]. 2-е изд. М.: Изд. дом ЯСК, 2022. 1232 с.

Хоружий 1998 — *Хоружий С. С*. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998.

Хоружий 2008 — *Хоружий С. С*. Портрет художника // Человек.RU. 2008. № 4. С. 115–130.

Шкловский 1973 — *Шкловский В. Б*. Эйзенштейн. М.: Искусство, 1973.

Штекли 1972 — *Штекли А. Э*. Галилей. М.: Молодая гвардия, 1972.

Advances in Biographical Methods 2014 — Advances in biographical methods: Creative applications / Ed. by M. O'Neill, B. Roberts, A. Sparkes. London: Routledge, 2014.

Bornat 2008 — *Bornat J*. Biographical methods. In: Alasuutari, Pertti; Bickman, Leonard and Brannen, Julia eds. The Sage Handbook of Social Research Methods. London, UK: Sage, 2008. P. 344–356.

Conant 2001 — *Conant J*. Philosophy and Biography // Wittgenstein: biography and philosophy / ed. by J. Klagge. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 16–50.

Heinrich 2016 — *Heinrich T*. Leben lesen: Zur Theorie der Biographie um 1800. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2016. 199 S. [Schriftenreihe der Österreichischen Gesellschaft zur Erforschung des 18. Jahrhunderts. Bd. 18].

Lee 2009 — *Lee H*. Biography: A Very Short Introduction. Oxford, 2009.

[21] 16 февраля 2024 г. внесена в реестр иностранных агентов по решению Минюста РФ.

Misch 1907 — *Misch G.* Geschichte der Autobiographie. Erster Band: Das Altertum. Leipzig und Berlin, B. G. Teubner, 1907. 478 S.

Roberts 2001 — *Roberts B.* Biographical Research, Buckingham, Open University Press. 2001.

The Linguistic Turn 1967 — The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method / Ed. and with introduction by R. Rorty. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

The Pragmatic Turn 2004 — The Pragmatic Turn in Philosophy: Contemporary Engagements between Analytic and Continental Thought / Ed. by W. Egginton and M. Sandbothe. Albany: State University of New York Press, 2004.

The Rhetorical Turn 1990 — The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry / Ed. by H. W. Simons. University of Chicago Press, 1990.

The turn to biographical methods 2000 — The turn to biographical methods in social science: comparative issues and examples / Ed. by Prue Chamberlayne, Joanna Bornat, and Tom Wengraf. London and New York. Routledge, 2000.

Theoretical Discussions of Biography 2014 — Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing / Eds. H. Renders, B. de Haan. Leiden; Boston: Brill, 2014. XX. 273 p. [Egodocuments and History Studies].

Watson 2002 — *Watson R.* Cogito, ergo sum: The Life of Rene Descartes. Boston: David Godine, 2002.

References

Ado 2005a — Hadot P. Spiritual Exercises and Ancient Philosophy. Trans. from French with the participation of V.A. Vorobyev. Moscow; Saint Petersburg: Stepnoy Veter; ID «Kolo», 2005. 448 p. (In Russian).

Ado 2005b — Hadot P. Philosophy as a Way of Life: Conversations with Jeannie Carlier and Arnold I. Davidson. Trans. from French by V.A. Vorobyev. Moscow; Saint Petersburg: Stepnoy Veter; ID «Kolo», 2005. (In Russian).

Advances in Biographical Methods 2014 — Advances in biographical methods: Creative applications / Ed. by M. O'Neill, B. Roberts, A. Sparkes. London: Routledge, 2014.

Artamoshkina 2013 — Artamoshkina L. E. Conceptual Foundations of the Biographical Method in the Philosophy of Culture and Cultural Studies // Studia Culturale. No. 16. P. 15–25. (In Russian).

Asmus 1973 — Asmus V. F. Immanuel Kant. Moscow: Nauka, 1973. (In Russian).

Averintsev 1973 — Averintsev S. S. Plutarch and Ancient Biography. Moscow: Nauka, 1973. (In Russian).

Averintsev 1994 — Averintsev S. S. The Good Plutarch Tells about Heroes, or the Happy Marriage of Biographical Genre and Moral Philosophy // Plutarch. Comparative Lives in Two Volumes. Moscow, 1994. Vol. I. P. 637–653. (In Russian).

Avto-bio-grafiya 2001 — Auto-bio-graphy: On the Question of Method // Notebooks on Analytical Anthropology. No. 1 / Ed. by V. A. Podoroga. Series Ecce homo. Moscow, 2001. (In Russian).

Bakhtin 1996 — Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 5. Works of the 1940s — early 1960s. Moscow: Russkie slovari, 1996. 732 p. (In Russian).

Bakhtin 2002 — Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kultury, 2002. (In Russian).

Bakhtin 2003 — Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kultury, 2003. 957 p. (In Russian).

Bakhtin 2012 — Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 3. Theory of the Novel [1930–1961]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012. 880 p. (In Russian).

Bitsilli 2006 — Bitsilli P. M. Selected Works on Medieval History: Russia and the West. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2006. 808 p. (In Russian).

Bornat 2008 — Bornat J. Biographical methods // Alasuutari, Pertti; Bickman, Leonard and Brannen, Julia eds. The Sage Handbook of Social Research Methods. London, UK: Sage, 2008. P. 344–356.

Cassirer 1997 — Cassirer E. Kant's Life and Teaching. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997. (In Russian).

Conant 2001 — Conant J. Philosophy and Biography // Wittgenstein: biography and philosophy / Ed. by J. Klagge. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 16–50.

Eiland, Jennings 2018 — Eiland H., Jennings M. W. Walter Benjamin: A Critical Life / Trans. from English by N. Eidelman; scientific ed. by V. Anashvili and I. Chubarov. Moscow: Publishing House «Delo» RANEPA, 2018. (In Russian).

Gabriel 2014 — Gabriel M. Love and Capital: A Biography of a Personal Life / Trans. from English by D. Nalepina. Moscow: AST, 2014. 832 p. (In Russian).

Golubovich 2008 — Golubovich I. V. Biography: A Silhouette against the Background of the Humanities. Methodology of Biography Analysis in Socio-Humanitarian Knowledge. Odessa: Odessa National University named after I. I. Mechnikov, 2008. (In Russian).

Golubovich 2012 — Golubovich I. V. Biography: Methodology of Analysis in the Humanities // Epistemology and Philosophy of Science, Vol. XXXIII. No. 3. P. 84–97. (In Russian).

Golubovich 2013 — Golubovich I. V. P. M. Bitsilli on the Phenomenon of Autobiography and the 'Biographical Turn' in Contemporary Humanities // Autobiography and Biography, Writing and Reading. Collection of Papers / Eds.-comp. Yu. P. Zaretsky, V. P. Likhachev, A. Yu. Zaretskaya. Moscow: HSE Publishing House, 2013. P. 62–80. (In Russian).

Gudkova 2016 — Gudkova V. Populating History with People: The Biographical Method as a Tool of the Humanities // AutobiografiЯ. No. 5. P. 17–37. (In Russian).

Gulyga 1977 — Gulyga A. Kant. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1977. (In Russian).

Heinrich 2016 — Heinrich T. Leben lesen: Zur Theorie der Biographie um 1800. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2016. 199 S. [Schriftenreihe der Österreichischen Gesellschaft zur Erforschung des 18. Jahrhunderts. Bd. 18].

Khoruzhy 1998 — Khoruzhy S. S. Toward a Phenomenology of Asceticism. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 1998. (In Russian).

Khoruzhy 2008 — Khoruzhy S. S. Portrait of the Artist // Chelovek.RU. No. 4. P. 115–130. (In Russian).

Kuehn 2022 — Kuehn M. Kant: A Biography / Trans. by A. Vasilyeva, scientific ed. by K. Chepurin. Moscow: Publishing House «Delo» RANEPA, 2022. (In Russian).

Lee 2009 — Lee H. Biography: A Very Short Introduction. Oxford, 2009.

Lotman 1985 — Lotman Yu. M. Biography — a Living Face // Novy Mir. No. 2. P. 228–236. (In Russian).

Lotman 1987 — Lotman Yu. M. The Creation of Karmazin. Moscow: Kniga, 1987. 336 p. (In Russian).

Lotman 1997 — Lotman Yu. M. Literary Biography in Historical-Cultural Context (On the Typological Correlation of Text and Author's Personality) // Lotman Yu. M. On Russian Literature. Saint Petersburg: Iskusstvo, 1997. P. 106–121. (In Russian).

Makhlin 2012 — Makhlin V. L. Commentaries // Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 3. Theory of the Novel [1930–1961]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012. P. 847–857. (In Russian).

Menzhulin 2010 — Menzhulin V. I. The Biographical Approach in Historical-Philosophical Cognition. Kyiv: NaUKMA: Agrarian Media Group, 2010. 455 p. (In Russian).

Menzhulin 2013 — Menzhulin V. I. Biography of a Philosopher: To Study or Not to Study? // Autobiography and Biography, Writing and Reading. Collection of Papers / Eds.-comp. Yu. P. Zaretsky, V. P. Likhachev, A. Yu. Zaretskaya. Moscow: HSE Publishing House, 2013. P. 42–61. (In Russian).

Misch 1907 — Misch G. Geschichte der Autobiographie. Erster Band: Das Altertum. Leipzig und Berlin, B. G. Teubner, 1907. 478 S.

Monk 2018 — Monk R. Wittgenstein: The Duty of Genius / Trans. by A. Vasilyeva; scientific ed. by V. Anashvili. Moscow: Publishing House «Delo» RANEPA, 2018. (In Russian).

Ogurtsov — Ogurtsov. Prosopography. (No year or further details given in the original list.) (In Russian).

Orlova 2020 — Orlova T. S. Definition of the 'Biographical Method' of Sainte-Beuve in His Works of Different Years // Molodoy Ucheny. No. 3 (293). P. 142–145. URL: https://moluch.ru/archive/293/66521 (accessed 23.11.2024). (In Russian).

Payen 2025 — Payen G. Martin Heidegger: Catholicism, Revolution, Nazism / Trans. from French by O. E. Volchek; scientific ed. by S. L. Fokin. Moscow: Publishing House «Delo» RANEPA, 2025.

Peters — Peters. Derrida. (No further details given.) (In Russian).

Philosophical Generations 2022 — Philosophical Generations / Idea author, comp. and resp. ed. Yu. V. Sineokaya. 2nd ed. Moscow: YASK Publishing House, 2022. 1232 p. (In Russian).

Pirumova 1970 — Pirumova N. M. Bakunin. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1970. (In Russian).

Podoroga 2001 — Podoroga V. A. Notebooks on the Psychobiography of S. M. Eisenstein // Auto-bio-graphy: On the Question of Method. Notebooks on Analytical Anthropology. No. 1 / Ed. by V. A. Podoroga. Series Ecce homo. Moscow, 2001. P. 11–140. (In Russian).

Podoroga 2017 — Podoroga V. A. The Second Screen: Sergei Eisenstein and the Cinema of Violence. Vol. 1. The Mirror Prop. Materials for a Psychobiography. Moscow: BREUS, 2017. (In Russian).

Roberts 2001 — Roberts B. Biographical Research. Buckingham: Open University Press. 2001.

Rogozin 2015 — Rogozin D. M. Biographical Method: A Literature Review // Sotsiologicheskie Issledovaniya. No. 10. P. 120–129. (In Russian).

Rorty 1997 — Rorty R. Relativism: Found and Made // Philosophical Pragmatism of Richard Rorty and the Russian Context. Moscow, 1997. P. 11–44. (In Russian).

Sainte-Beuve 1970 — Sainte-Beuve Ch. Literary Portraits. Critical Essays. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1970. 582 p. (In Russian).

Shklovsky 1973 — Shklovsky V. B. Eisenstein. Moscow: Iskusstvo, 1973. (In Russian).

Shtekli 1972 — Shtekli A. E. Galileo. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1972. (In Russian).

Sinyukova 2023 — Sinyukova N. A. Anthropology of Healing: Between Technology and Care. Collection of Works and Materials / Ed. by S. A. Smirnov. Novosibirsk: Offset-TM LLC, 2023. (In Russian).

Smirnov 2011 — Smirnov S. A. Autopoiesis of Man: Philosophical Essays on the Anthropology of Verse. Novosibirsk: Offset, 2011. (In Russian).

Smirnov 2014 — Smirnov S. A. The Structure of the Act of Autopoiesis: An Essay in Poetic Anthropology // Chelovek.RU. No. 9. P. 304–317. (In Russian).

Smirnov 2021 — Smirnov S. A. City and Man: Essays on Urban Anthropology. Moscow: LENAND, 2021. (In Russian).

Smirnov 2023 — Smirnov S. A. The Method of M. M. Bakhtin // Chelovek.RU. No. 18. P. 280–323. (In Russian).

Smirnov 2024 — Smirnov S. A. The Biographical Method in the History of Philosophy. Part 1 // Chelovek.RU. No. 19. P. 250–266. (In Russian).

Smirnov 2025a — Smirnov S. A. The Biographical Method in the History of Philosophy. Part 2. Genealogy of the Method // Chelovek.RU. No. 20. P. 198–220. (In Russian).

Smirnov 2025b — Smirnov S. A. Turns in the History of 20th-Century Philosophy: Meanings and Frameworks. Part 1 // Filosofiya Nauki (Philosophy of Science). No. 2 (106). P. 102–125. (In Russian).

Smirnov 2025c — Smirnov S. A. Turns in the History of 20th-Century Philosophy: Meanings and Frameworks. Part 2 // Filosofiya Nauki (Philosophy of Science). No. 3 (107). P. 92–112. (In Russian).

Solovyov 1991 — Solovyov E. Yu. The Past Interprets Us: Essays on the History of Philosophy and Culture. Moscow: Politizdat, 1991. (In Russian).

Tarasov 1979 — Tarasov B. N. Pascal. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1979. (In Russian).

The Linguistic Turn 1967 — The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method / Ed. and with introduction by R. Rorty. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

The Pragmatic Turn 2004 — The Pragmatic Turn in Philosophy: Contemporary Engagements between Analytic and Continental Thought / Ed. by W. Egginton and M. Sandbothe. Albany: State University of New York Press, 2004.

The Rhetorical Turn 1990 — The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry / Ed. by H. W. Simons. University of Chicago Press, 1990.

The turn to biographical methods 2000 — The turn to biographical methods in social science: comparative issues and examples / Ed. by Prue Chamberlayne, Joanna Bornat and Tom Wengraf. London and New York. Routledge, 2000.

Theoretical Discussions of Biography 2014 — Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing / Eds. H. Renders, B. de Haan. Leiden; Boston: Brill, 2014. XX. 273 p. [Egodocuments and History Studies].

Valevsky 1993 — Valevsky A. L. Foundations of Biographics. Kiev: Naukova Dumka, 1993. 110 p. (In Russian).

Watson 2002 — Watson R. Cogito, ergo sum: The Life of Rene Descartes. Boston: David Godine, 2002.

Wolf 2021 (ed.) — Wolf M. N. (Ed.) Philosophy and Its History: Discussions / Textbook. Compiled, introductory article, translation and commentary by M. N. Wolf. Novosibirsk: Offset-TM LLC, 2021. (In Russian).

Wolf 2025 — Wolf M. N. Kant and the Historical Turn // Kant in the Era of Turns / General ed. M. N. Wolf. Novosibirsk: IPC NSU. P. 13–52. (In Russian).